

СВОБОДА СЛОВА ПРОТИВ СВОБОДЫ МЫСЛИ

Борис Ихлов

*Печать опустилась до подлости, и трудно сказать, что преобладало: недостаток ума над недостатком характера, отсутствие формы над отсутствием содержания - или наоборот.
Маркс, «Дебаты о свободе печати шестого Рейнского ландтага»*

Сегодня, когда население России столкнулось с вакханалией журналистов и деятелей культуры в СМИ, знак одной из ленинских статей «Партийная организация и партийная литература» в общественном сознании России поменялся с минуса в 1991-м на плюс в 2020-м. Ленинские слова в статье звучат исключительно современно.

Плеханов удивлялся, почему рабочие выступают не столько за свои, близкие им интересы, сколько за свободу слова и иные демократические свободы. Карикатурных персонажей, как во все времена, было множество, их описывал еще Герцен. Но в тот период не интеллигенция выдумывала рабочую печать, о ней мечтал рабочий Степан Халтурин. В 80-е те, кто шел в движение, знали, что их жизнь может быть прервана, без всяких концентрационных лагерей, в рядовой психиатрической лечебнице.

С той поры свобода слова достигла апогея. Был издан закон, запрещающий употребление мата в телевизионных передачах. Но ничего не стоит на всю страну произнести «лисапет» или «телевизер», никто за ошибки ответственность не несет.

Что изменилось – не по форме а по содержанию - с эпохи партийного птичьего языка после учреждения гласности и отмены всяческой цензуры окажется ничуть не лучше современного бессмысленного интернет-новояза или выступлений чиновников.

Стоит также понять роль свободы слова в той структуре, которая должна стать одним из инструментов в руках рабочего класса – в партии.

Хотелось бы также знать, насколько печатное слово отражает сдвиги в настроениях масс.

Для начала вернемся в 80-е годы прошлого столетия, сравним с печатным словом 30-х, чтобы почувствовать специфику языка СМИ, погрузиться в атмосферу тех лет, уяснить, что именно вызывало раздражение населения.

«Созрели объективные условия»

«Может ли районная газета критиковать секретаря парторганизации?» - цитировала в 1986 году газета вопрос журналистки [1]. И отвечала в конце: «На совещании актива Хабаровской краевой парторганизации М. С. Горбачев указал на серьезные недостатки в данном вопросе... в пример приводим газету «Тайская новь». Газета смело критикует руководящих работников района, руководителей совхозов, секретарей парторганизаций, не желающих перестраиваться в духе времени или допускающих злоупотребления служебным положением. Позиции у газеты крепкие благодаря поддержке горкома КПСС, первого секретаря, делегата XXVII Съезда партии...»

То есть. Потому иных руководителей смеет критиковать газета, что поддерживает ее как раз тот, о возможности критики которого и спрашивает журналистка.

Поскольку с 1985 года дана разнарядка на перестройку и гласность, журналистский корпус перестраивается. Газета пишет откровенно: «Мы орган горкома, перестроится он – перестроятся и журналисты. Конечно, лицо газет во многом определяет партийный комитет. Но автоматически тут ничего не срабатывает. Например, стиль работы Добмаровского райкома партии обеспечивает газете возможность смелой критики любых недостатков. Однако острые, проблемные материалы в статье редкость». Это уровень газеты «Правда» 1986 года.

«Проклятая пора эзоповских речей, - пишет о дореволюционной печати Ленин, - литературного холопства, рабского языка, идейного крепостничества...» Но эзопов язык – это литературный язык. В данном же случае косноязычен 1-й секретарь обкома – косноязычна и журналистика.

Между тем, в разгул сталинских репрессий, в 1937 году, «Правда» писала: «Государство при социализме необходимо для того, чтобы обеспечить поголовное вовлечение всех трудящихся в управление общественными делами» [2]. У Ленина – «в управление государством», а не бытовыми общественными делами. Но при Брежнев, Андропове, Черненко или Горбачеве и такая газетная фраза звучала бы как крамола.

Обратимся к стилю журнала «Коммунист» 80-х:

«В условиях легального существования, после победы Великой социалистической революции... широко развертывается внутрипартийная демократия. Но у большевиков демократический принцип тесно связан с железной дисциплиной. Ленин никогда никому не позволял разлагать партию изнутри, превращать ее в дискуссионный клуб. Поэтому принципы партийного строительства всегда являлись объектом яростных атак со стороны всяких оппозиций. ... все они в борьбе против большевизма непременно начинали с обвинений партийного руководства в отрыве от масс, в зажиме, в нарушении принципов демократии...»

То есть. Если руководитель ошибся – дискутировать запрещается. И тут же:

«... Только в обстановке, где партийный руководитель отгораживается от масс, ... там безнаказанно орудуют враги народа. Они подвизаются и там, где нет освежающего ветра большевистской самокритики...»

Самокритика – кого? Партии? Нет, самого себя, касается всех, но не самого главного, который себя критиковать не обязан.

«... Не меньше извращают устав партии те организации, которые широко практикуют пресловутую кооптацию в обком, горком, райком и т.д. ... Это нарушение выборности партийных органов заслуживает самого серьезного осуждения, что и сделал ЦК ВКПб. Нарушение выборности и отчетности перед партийной массой сводит на нет всю партийную демократию, а система кооптации способствует подбору в аппарат молчалиников, которые не посмеют критиковать начальство даже тогда, когда наносится прямой ущерб партии...»

Пойми, кто может – теперь уже отсутствие дискуссий вредно. Теперь у же не само- а просто критика, даже начальства. Например, Сталина.

«... строго соблюдать коллективность в партийном руководстве, совместно обсуждать вопросы, решительно прекратить практику единоличных келейных решений преимущественно «опросом»... не создавать дутого авторитета партийного руководителя, основанного на подхалимстве, восхвалении, рекламе» [3].

Если обвиняют в восхвалении, подхалимстве, в единоличных решениях – не нужно ничего менять, нужно сказать теми же обвинительными словами, но с приставкой «необходимо строго соблюдать». Данный метод сохранится и к 2020 году.

Нельзя не сказать и о партии, тем более, в год Большого террора: «... Известная засоренность рядов партии явилась результатом забвения многими местными партийными организациями ленинского принципа отбора новых членов партии, сформулированного в уставе ВКПб и требующего, чтобы набор в партию производился в исключительно индивидуальном порядке» [4].

Ленин, как известно, возражал превращению партии в дискуссионный клуб. Если всё ее руководство выступало против, как во время принятия решения о мире с Германией, Ленин грозил обратиться к народу помимо руководства. Руководство партии, в свою очередь, даже намеревалось за это арестовать Ильича.

Слова о дискуссионном клубе – из ленинского «Доклада о единстве партии и анархо-синдикалистском уклоне 16 марта 1921 г.»: «Мы - не дискуссионный клуб».

Не дискуссионный клуб – ибо война еще не кончилась, казалось бы. Хотя сам Ленин дискутирует со всей партией.

Но «Правда» 1937 года совершила подлог: Ленин говорил о подчинении меньшинства решениям большинства в партии, но вовсе не о запрете дискуссий, он в следующем абзаце пишет: «Издавать сборники, специальные издания мы, конечно, можем и будем...» Т.е. оппонентам (Рабочей оппозиции) будет предоставлено слово и т.д. И Ленин принял многие положения из платформы Рабочей оппозиции. При этом и речи не шло о подхалимстве, восхвалении, рекламе и т.д. В период же правления Сталина стандартным приемом, если партия виновна в отрыве от масс, стало обвинение тех, кто обвинял, в антибольшевизме.

Возвращаемся к журналу «Коммунист» за 1985 г., в редакции которого в те годы работал Егор Гайдар: «Бюрократические извращения, о чем неопровержимо свидетельствует жизнь, ведут к девальвации требовательности, к атрофии чувства ответственности. Напротив, доверие к рабочим всех уровней и знаний. Предоставление им широкой самостоятельности оказывается в этом отношении во сто крат эффективнее. Разумеется, доверие должно быть требовательным, должно сопровождаться контролем и проверкой исполнения в ленинском их понимании.

Избавиться от бюрократических замашек не так-то легко. Их живучесть объясняется как чрезмерным усердием многочисленных ведомств, так и недостаточной культурой в их работе слепой верой в силу «исходящей» бумаги. Дает себе знать и неуважение к людям, желание зараженных комчванством работников видеть в своих подчиненных угодливых исполнителей «вышестоящей воли»» [5]

Далее: «Заботы нынешнего дня, развитие социалистического самоуправления делают чрезвычайно настоятельным более глубокое прочтение ленинской трактовки принципа демократического централизма, поиск путей более последовательной реализации этого принципа в практике управления. Необходимость всемерного укрепления централизованного начала в руководстве народным хозяйством очевидна. Однако демократический централизм в последние годы нередко подменяется централизмом бюрократическим.» [там же]

То есть, к 1985 году сохранены старые брежневские обтекаемые бессмысленные формы: «... поиск путей более глубокой реализации...» и т.п. Зато появились новые слова «атрофия», «девальвация». Впервые поднят вопрос о доверии к рабочим. Правда, с оговоркой – доверять, но почаще контролировать. У Ленина, между прочим, в «Апрельских тезисах» всё наоборот, речь о контроле за госчиновником со стороны рабочих.

И, разумеется, «не утратил своего значения» вопрос о «моральном облике коммуниста».

Газета «Правда» 1937-го: «Ленин в своей речи на VIII Съезде РКПб говорил: «Советский аппарат на словах доступен всем трудящимся, на деле же он далеко не всем доступен, как мы все это знаем... С тех пор, как были произнесены эти слова, прошло 18 лет. За это время в стране произошли гигантские сдвиги. ... Корни, питавшие бюрократизм в нашем государственном аппарате, таким образом, подрублены. Можем ли мы, тем не менее, сказать, что бюрократизма у нас не существует? Отнюдь не можем! Капиталистические пережитки в сознании людей, сила инерции и привычек, косность отдельных работников, не понимающих новой обстановки и новых задач, делает бюрократизм живучим...» [6]

Снова журнал «Коммунист»:

«И сегодня отдельных членов партии, в том числе занимающих государственные посты, приходится уличать в приписках, хищениях, взяточничестве, стяжательстве. И как бы относительно невелико ни было число неблагоприятных поступков, совершенных членами партии по сравнению с громадным подавляющим большинством честных и чистых полицейских и членов «Единой России»... простите, партийцев, каждый случай нарушений норм партийной этики, коммунистической нравственности наносит партии серьезный морально-политический ущерб» [7].

Морально-политический ущерб. Полвека прошло после речи Сталина. К 80-м ничего не изменилось. Как может нанести партии серьезный ущерб «относительно невеликое число», если «громадное подавляющее большинство» - честных и чистых?

Насколько смелее газета «Правда» 30-х журнала «Коммунист» 80-х, газета пишет о целых организациях, причем многих, «Коммунист» - об отдельных «коммунистах».

Форма различна, но суть одна, всё так же разрешали критиковать, даже целые организации, но не генерального секретаря партии, что тождественно посягательству на государственный строй.

В арсенал средств первой линии обороны партийной элиты 80-х переключается знаменитое «кто-то кое-где у нас порой... есть отдельные единичные случаи, но, в основном, но не надо опасно обобщать...» Те же методы перейдут по наследству к партии «Единая Россия».

Поэт Евгений Евтушенко перестроился в короткий срок, стал демократом, затем депутатом в вышиванке и набросился на штамп «нетипично» - в своем произведении «Фуку».

Иронизировали над пустословной косностью и со сцены:

Старый член, старый член, старый член Политбюро

Вдруг ушел по состоянию здоровья.

Отчего, отчего, отчего же так мудро?

Знать «созрели объективные условия».

Речь шла об одновременном уходе на пенсию десятков членов Политбюро.

«Характерной чертой современного этапа развития исторического материализма является растущий интерес к исследованию его категориального строения».

Заскорузлый язык охватывал тексты песен, проникал в философские труды, сковывал мысли.

Всё тот же стиль царил и до перестройки:

... Один из них был левым уклонистом,

Другой, как оказалось, ни при чем.

Две строчки, но в них целая эпоха.

В 1982 году в пермский госуниверситет приехал из Москвы партийный пропагандист и в концертном зале 1-го корпуса прочел лекцию. Один из присутствовавших научных работников спросил, как можно выдерживать военный паритет, если США тратят на ВПК и армию сотни миллиардов, а СССР всего два десятка миллиардов. «С удовольствием отвечу на Ваш вопрос, - сказал ушлый пропагандист. – Потому мы тратить намного меньше, что так устроена наша социалистическая система».

Для того и учили сотрудников университета, чтобы они легко видели отсутствие логики.

И далее в журнале:

«Одни оказывают услуги бескорыстно, за государственный счет. Другие не гнушаются взяткой. Как ни горько говорить об этом, но среди взяточников встречаются порой ответственные работники государственного и хозяйственного аппарата. В чем тут причина? Ответ, разумеется, не может быть однозначным. Однако есть все основания утверждать, что не в последнюю очередь это ошибки при приеме в партию (! Б. И.), недостатки в воспитательной работе. В то же время это следствие бесконтрольного, несвоевременного вскрытия нарушения устава КПСС» [там же].

Опять же: «порой встречаются», «ошибки», «недостатки», о чем угодно, о любых мелочах, но не о сути. Да, встречались среди ээсовцев иные, были у некоторых генералов вермахта ошибки и даже недостатки.

«Подавляющее большинство честных», а отдельные – порой. Какой же тогда смысл говорить о «порой», когда «подавляющее большинство»? И как же это подавляющее большинство умудрилось «несвоевременно вскрыть»?!

«Коммунист» при Егоре Гайдаре пишет нелепость. Причем – удивительнейший факт – сами партийные функционеры этого НЕ ПОНИМАЮТ. Для них эта нелепость – норма. У масс эта нелепость вызывает понятное отторжение, но никакие аргументы не проникают в сознание партийных функционеров, в ответ они повторяют и повторяют единственное возражение: «Анархия!»

Социальная патология.

После Чернобыльской катастрофы СМИ долгое время хранили молчание, которому в то время как нельзя более соответствовало «гробовое». Даже в самом Чернобыле не известили население, мальчишки из Припяти утром ездили на велосипедах поглядеть, что это там «жахнуло». Стойкие обкомовцы Припяти первыми драпали на своих авто, их задерживали патрули на дорогах.

Скандал нарастал, и нельзя было уже не сделать обобщенный вывод.

И его сделали.

Одни объявили, что коммунизм – это фашизм, хотя элита КПСС никакого отношения к коммунизму не имела.

Другие объявили, что во всем виноват Хрущев – хотя при Хрущеве СССР совершил экономический и культурный рывок.

От Бердяева до Адамовича

В начале века «в историю приходят массы». Меняется русская литература, она вбирает в себя фольклор. Меняется язык ораторов, он становится проще, образней, ярче, выделяется доминанта, обращенная к большинству, ликвидируется заученность, «чтение по бумажке», приветствуется искренность, пусть даже косноязычная. То есть: главную роль начинает играть то, говорит ли оратор правду. На одном из митингов в Кронштадте перед матросами долго и умно выступал некий кадет. За ним выскочил выступать матрос. Он ткнул пальцем в сторону кадеты: «Видали, какое пузо наел?» И кадет с его умными речами кончился, не потребовалось никаких опровергающих аргументов.

Вероятно, поэтому ни на Шестова, ни на Бердяева, ни прочих не обратили внимания. Впрочем, на них и на Европе не обратили внимания.

Ленин – вероятно, один из талантливейших ораторов в истории, который умел самые сложные вещи преподносить в простой форме, не пренебрегая при этом строгостью рассуждений.

Сталин и Гитлер взяли из этого таланта общения с массами исключительно умение манипулировать массами. Показательно, как в начале 30-х, в переломный период, когда Сталин укреплялся во власти, менялись тиражи газет. «Правда», орган ВКПб: 1924-й – 400 тыс., 1 января 1930-г – 846 тыс., июнь 1930-го – 1,5 млн, конец 1931-го – более 2 млн экз. [8]. Параллельно снижался тираж «Известий», органа Советов рабочих и крестьянских депутатов. Именно в 30-е в оборот входят такие клише как «инертность мышления», «перестройка», «руководить по-новому» и т.д. Одновременно пред Западом должны были предстать обновленные советы, которые Сталин оформил в буржуазный парламент уже и юридически.

Чтобы не стать жертвами обмана, объяснял Ленин, нужно уметь различать за различными политическими высказываниями, схемами, построениями классовые интересы. Если СМИ скрывают часть информации, если публикуют суесловную пустую демагогию, значит, на то есть причины, заключающиеся в классовом интересе той группы людей, в чьем подчинении находятся эти СМИ. Этот интерес включает в себя достижение социального партнерства путем создания образа врага и апологии собственной власти. Что важно, еще и путем насаждения масс-культуры в виде отштампованных газетных и журнальных статей, десятков тысяч памятников, книг, музыки, фильмов, портретов представителей правящего класса – кисти, скажем, Налбандяна или Шилова.

Но данный метод – палка о двух концах. Любой секретарь райкома КПСС, пусть попираемый вышестоящим чиновником, обладал возможностью не допустить к печати статью неугодного содержания. Редактор издания ЦК КПСС должен был следовать политике ЦК. Но как быть, если ЦК «переродится»? Наступил момент, когда рабочие стали называть газету «Правда» газетой «Кривда».

В ответ член КПСС Шевердин в патриотическом экстазе объявил нападки на государство заведомо ложным софизмом [9]. Причем тут софизм, да еще ложный, да еще заведомо. Софизм – это подтасовка, нарушение формальной логики, подмена понятий, следовательно, ложный софизм – это истина. Но... Может ли, скажем, немец нападать на фашистское государство?

Публикации тех, кто смог и успел перестроиться, подобно, Евтушенко, казались откровением. Татьяна Самолис опубликовала гневные письма трудящихся в адрес КПСС [10]. Пустили слух, что ее статью якобы «подавили». В 1986-м еще наивные неформалы-марксисты с энтузиазмом перепечатывали статью и передавали из рук в руки. Пока не узнали, что правдивую Самолис взяли на работу в пресс-службу ФСБ, стоящей на страже интересов буржуа.

Что же изменилось?

До Октябрьской революции в селе Степанчикове или в городе Глупове узнавали всю Россию. Николай II, посмотрев «Ревизор», заметил: «Досталось всем, а больше всего мне». В чашечке цветка - небо, за деревьями – лес. Это высокий уровень обобщения, из того, что днем светло, а ночью темно, следует, что мир не может быть устроен как угодно.

Но уже к 80-м же годам прошлого века рядовой гражданин, видя собственными глазами, что происходит вокруг, не мог сделать общий вывод и, по совету генерального секретаря, переваливал всю вину на себя самого, на свой недогляд, на своем рабочем месте и т.п. Пройдет десять лет, и рядовые граждане, как загипнотизированные, будут повторять телевизионный слоган: «Да, Ельцин плох, так ведь коней-то на переправе не меняют».

«Дело в том, что мы целиком и полностью зависим от средств массовой информации в формировании наших представлений о реальности. Если мы видим что-либо по телевидению, слышим о том же по радио, читаем в газетах – значит, это действительно произошло, если мы не видим. Не читаем, значит, этого не было. В действительности же умолчание – это первая линия обороны, которую занимают власти, чтобы укрыть свои аморальные, незаконные действия» (Марти Коски, в статье «Похитители разума», [11]).

Так действительно считали, обратите внимание – не реальность, не производственные отношения – а газетный текст формирует представления.

И данная установка уже в 90-е становятся основой так называемых политтехнологий.

В условиях отчуждения рабочего класса от средств производства, при соединении рабочего со средствами производства при посредстве начальника, который этим рабочим и помыкает, возникает превращенная социальная форма (Маркс), когда реальность подменяется штампами, фетишами, идеологемами средств массовой информации.

Идея навязывается сверху, не возникает из жизни. Какие великие писатели 80-х описали черные окна заводских цехов, станки 1913 года выпуска, бессмысленность судебных органов, преступность милиции, воровство диссертаций, хаос на производстве, то, чем жили простые люди?

Они появятся в 90-е, в нулевые, они представят жизнь в СССР как концлагерь, еду из одуванчиков и крыс, массовые расстрелы на улицах за рассказанный анекдот, словом, «совок».

Но писатели 80-х были заняты другим, они рисовали отчуждение своего внутреннего богатого мира от неопрятного мира внешнего. Невеликие же - описывали «отдельные» недостатки, причем в таких сусальных тонах, что рабочий класс, глядя на реальные заплывшие лица своих начальников, понимал всей душой: искусство не принадлежит народу.

Критика не должна выходить за рамки, ей предоставленные. Когда ей дадут слово, она его зачитает.

«Самоуважению обучал литературу еще Пушкин. Собственным поведением художника. Он не один и не два раза выходил на «дуэль» с самим царем. Лицом к лицу с теми, кто от пиита ждал только почесывания сановных пяток... Учил Толстой быть адвокатом – преданным и несгибаемым интересов народного большинства, и не только своего отечества, но и всего человечества. Сплачивать добро против сплоченного зла. Это, действительно, было поразительно, как сплоченно реагировали на слова Толстого все эти непримиримые враги – кайзеры, цари, президенты, шахи-падишахи, все они заодно начинали действовать, стоило услышать, как кто-то отвергает их право утверждать свою правоту перед всеми посредством убийств... Лгать в глаза миллиарду – каким же надо быть планетарным Хлестаковым!» [12] Планетарный Хлестаков – это Сталин.

Хорошо писал Адамович, но пройдет немного времени, и писатель выступит... нет, не против народа. Он выступит в поддержку буржуазии. Никакого самоуважения. Ибо и писатели – элита, их общественное бытие определяет их общественное сознание.

О писательских пайках упоминали еще в 30-е Ильф и Петров. Рассказы их того времени удивительно схожи с рассказами Шукшина 70-х (снова преемственность): «Дело студента Сверановского», «Старики», «Чувство меры», «Дневная гостиница».

Наконец, обобщение: «Русь-тройка, всё гремит, всё заливаётся, а в тройке – прохиндей, шулер... Вот так номер! Мчится, вдохновенная богом! – а везет шулера. Это что ж выходит? – Не так ли и ты, Русь?

...

- Так это Русь-то Чичикова мчит? Это перед Чичиковым шапки все снимают?

- ... Как-то Вы не с того конца зашли.

- Да с какого ни заходи – в тройке-то Чичиков...

- ... Ну, это уже будет – за Гоголя. Он-то не так думал.

- Ну, его теперь не спросишь – думал он или не думал. Но вот влетело же мне в голову!

- ... А ведь сами, небось, учили?

- Учил! Помню прекрасно, как зубрил тоже... А через 30 лет только дошло.» («Забуксовал»).

Смело, не правда ли, в эпоху тотальной цензуры?

Только сегодня приходит понимание, что... ничего не написал Шукшин. Никакого обобщения. Пустое это обобщение.

«Все произведения мировой литературы, - писал Осип Мандельштам в «Четвертой прозе», - я делю на разрешенные и написанные без разрешения. Первые – это мразь, вторые – ворованный воздух. Писателям, которые пишут заранее разрешенные вещи. я хочу плевать в лицо, хочу бить их палкой по голове... Этим писателям я запретил бы вступать в брак и иметь детей – ведь и дети должны за нас продолжить, за нас главнейшее досказать – в то время как отцы запроданы рябому черту на три поколения вперед».

Ныне «зеркало эпохи» не просто ангажировано, но само является частью правящего класса буржуазии – уже явно.

Обратимся к первоисточнику, к статье Ленина «Партийная организация, партийная литература», написанной вскоре после начала Всероссийской политической стачки в октябре 1905 г.

«Новые условия социал-демократической работы, создавшиеся и России после октябрьской революции выдвинули на очередь вопрос о партийной литературе. Различие между нелегальной и легальной печатью, это печальное наследие крепостнической, самодержавной России, - начинает исчезать. Оно еще не померло, далеко нет. Лицемерное правительство нашего министра-премьера еще бесчинствует до того, что "Известия Совета Рабочих Депутатов" печатаются "нелегально", но, кроме позора для правительства, кроме новых моральных ударов ему, ничего не получается из глупых попыток "запретить" то, чему помешать правительство не в силах. ... «Революция еще не закончена. Если царизм *уже не* в силах победить революцию, то революция *еще не* в силах победить царизма. И мы живем в такое время, когда всюду и на всем сказывается это противоестественное сочетание открытой, честной, прямой, последовательной партийности с подпольной, прикрытой, "дипломатичной", увертливой "легальностью". Это противоестественное сочетание сказывается и на нашей газете: сколько бы ни острил г. Гучков насчет социал-демократической тирании, запрещающей печатать либерально-буржуазные, умеренные газеты, а факт все же остается фактом, - центральный орган РСДРП, "Пролетарий", все же остается за дверью *самодержавно-полицейской* России.

Как-никак, а половина революции заставляет всех нас приняться немедленно за новое налаживание дела. Литература может теперь, даже "легально", быть на 9/10 партийной. Литература должна стать партийной. В противовес буржуазным нравам, в противовес буржуазной предпринимательской, торгашеской печати, в противовес буржуазному литературному карьеризму и индивидуализму, "барскому анархизму" и погоне за наживой, - социалистический пролетариат должен выдвинуть принцип *партийной литературы*, развить этот принцип и провести его в жизнь в возможно более полной и цельной форме».

Где здесь жесточайшая цензура? Цензура – прерогатива монархии, но не РСДРП. Ленин – всего лишь – говорит о «новом налаживании» партийного дела, даже не взывая к совести литераторов.

Это программный пункт? Вполне. Но, может быть, Ленин под партийностью понимает не партийный аппарат, а весь пролетариат? В проекте программы РСДРП он подчеркивает: у социал-демократов нет задачи создания партии, у социал-демократов есть задача организации всего пролетариата в политическую партию. Именно в этом смысле советскую литературу, литературу Горького, Леонида Андреева, Бабеля, Артема Веселого, Пильняка, Платонова, Шолохова, Шукшина можно назвать партийной.

Ленин разъясняет:

«В чем же состоит этот принцип партийной литературы? Не только в том, что для социалистического пролетариата литературное дело не может быть орудием наживы лиц или групп, оно не может быть вообще индивидуальным делом, не зависимым от общего пролетарского дела. Долой литераторов беспартийных! Долой литераторов сверхчеловеков! Литературное дело должно стать *частью* общепролетарского дела, "колесиком и винтиком" одного-единого, великого социал-демократического механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом всего рабочего класса. Литературное дело должно стать составной частью организованной, планомерной, объединенной социал-демократической партийной работы.

"Всякое сравнение хромает", говорит немецкая пословица. Хромает и мое сравнение литературы с винтиком, живого движения с механизмом. Найдутся даже, пожалуй, истеричные интеллигенты, которые поднимут вопль по поводу такого сравнения, принижающего, омертвляющего, "бюрократизирующего" свободную идейную борьбу, свободу критики, свободу литературного творчества и т. д., и т. д. По существу дела, подобные вопли были бы только выражением буржуазно-интеллигентского индивидуализма. Спору нет, литературное дело менее всего поддается механическому равнению, нивелированию, господству большинства над меньшинством. Спору нет, в этом деле безусловно необходимо обеспечение большего простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простору мысли и фантазии, форме и содержанию.

Все это бесспорно, но все это доказывает лишь то, что литературная часть партийного дела пролетариата не может быть шаблонно отождествляема с другими частями партийного дела пролетариата. Все это отнюдь не опровергает того чуждого и странного для буржуазии и буржуазной демократии положения, что литературное дело должно непременно и обязательно стать неразрывно связанной с остальными частями частью социал-демократической партийной работы. Газеты должны стать органами разных партийных организаций. Литераторы должны войти непременно в партийные организации. Издательства и склады, магазины и читальни, библиотеки и разные торговли книгами - все это должно стать партийно-подотчетным. За всей этой работой должен следить организованный социалистический пролетариат, всю ее контролировать, во всю эту работу, без единого исключения, вносить живую струю живого пролетарского дела, отнимая, таким образом, всякую почву у старинного, полублоковского, полуторгашеского русского принципа: писатель пописывает, читатель почитывает».

То есть: Ленин в данном моменте не хочет видеть разницы между партией и классом. Способны ли широкие пролетарские массы, даже социалистические, контролировать литературу, Ленин себя не спрашивает. Однако Ленин не принуждает ВСЕХ литераторов стать членами партии.

«Мы не скажем, - пишет Ленин, - разумеется, о том, чтобы это преобразование литературного дела, испакощенного азиатской цензурой и европейской буржуазией, могло произойти сразу. Мы далеки от мысли проповедовать какую-нибудь единообразную систему или решение задачи несколькими постановлениями. Нет, о схематизме в этой области всего менее может быть речь. Дело в том, чтобы вся наша партия, чтобы весь сознательный социал-демократический пролетариат во всей России сознал эту новую задачу, ясно поставил ее и взялся везде и повсюду за ее решение. Выйдя из плена крепостной цензуры, мы не хотим идти и не пойдем в плен буржуазно-торгашеских литературных отношений. Мы хотим создать и мы создадим свободную печать не в полицейском только смысле, но также и в смысле свободы от капитала, свободы от карьеризма; - мало того: также и в смысле свободы от буржуазно-анархического индивидуализма».

Ленин четко указывает, о какой свободе речь, свободе от чего, Брюсов же ему приписывает слова о свободе вообще [13].

«Эти последние слова покажутся парадоксом или насмешкой над читателями. Как! закричит, пожалуй, какой-нибудь интеллигент, пылкий сторонник свободы. Как! Вы хотите подчинения коллективности такого тонкого, индивидуального дела, как литературное творчество! Вы хотите, чтобы рабочие по большинству голосов решали вопросы науки, философии, эстетики! Вы отрицаете абсолютную свободу абсолютно-индивидуального идейного творчества!

Успокойтесь, господа! Во-первых, речь идет о партийной литературе и ее подчинении партийному контролю. Каждый волен писать и говорить все, что ему угодно, без малейших ограничений. Но каждый вольный союз (в том числе партия) волен также прогнать таких членов, которые пользуются фирмой партии для проповеди антипартийных взглядов. Свобода слова и печати должна быть полная. Но ведь и свобода союзов должна быть полная. Я обязан тебе предоставить, во имя свободы слова, полное право кричать, врать и писать что угодно. Но ты обязан мне, во имя свободы союзов, предоставить право заключать или расторгать союз с людьми, говорящими то-то и то-то».

Действительно, каждый волен писать, «как он слышит», а слышать – как он дышит. Но и диктатура пролетариата, и буржуазия имеют полное право не давать деньги на публикацию того, что направлено против них.

«Партия есть добровольный союз, - пишет Ленин, - который неминуемо бы распался, сначала идейно, а потом и материально, если бы он не очищал себя от членов, которые проповедуют антипартийные взгляды. Для определения же грани между партийным и антипартийным служит партийная программа, служат тактические резолюции партии и её устав, служит, наконец, весь опыт международной социал-демократии, международных добровольных союзов пролетариата, постоянно включавшего в свои партии отдельные элементы или течения, не совсем последовательные, не совсем чисто марксистские, не совсем правильные, но также постоянно предпринимавшего периодические "очищения" своей партии.

Так будет и у нас, господа сторонники буржуазной "свободы критики", *внутри* партии: теперь партия у нас сразу становится массовой, теперь мы переживаем крутой переход к открытой организации, теперь к нам войдут неминуемо многие непоследовательные (с марксистской точки зрения) люди, может быть, даже некоторые христиане, может быть, даже некоторые мистики. У нас крепкие желудки, мы твердокаменные марксисты. Мы переварим этих непоследовательных людей. Свобода мысли и свобода критики внутри партии никогда не заставят нас забыть о свободе группировки людей в вольные союзы, называемые партиями».

Во-вторых, господа буржуазные индивидуалисты, мы должны сказать вам, что ваши речи об абсолютной свободе одно лицемерие. В обществе, основанном на власти денег, в обществе, где нищенствуют массы трудящихся и тунеядствуют горстки богачей, не может быть "свободы" реальной и действительной. Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господин писатель? от вашей буржуазной публики, которая требует от вас порнографии в романах и картинах, проституции в виде "дополнения" к "святому" сценическому искусству? Ведь эта абсолютная свобода есть буржуазная или анархическая фраза (ибо, как мирозерцание, анархизм есть вывернутая наизнанку буржуазность).

Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания.

И мы, социалисты, разоблачаем это лицемерие, срываем фальшивые вывески, - не для того, чтобы получить неклассовую литературу и искусство (это будет возможно лишь в социалистическом внеклассовом обществе), а для того, чтобы лицемерно-свободной, а на деле связанной с буржуазией, литературе противопоставить действительно-свободную, *открыто* связанную с пролетариатом литературу. Это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся будут вербовать новые и новые силы в ее ряды».

Ленин повторяет Маркса: «Главнейшая свобода печати состоит в том, чтобы не быть промыслом» [14]. Сегодня не требуется, чтобы большевики срывали фальшивые вывески, сегодня ангажированность литераторов капиталом видна невооруженным глазом, несмотря на тезис о надклассовости.

«Это будет свободная литература, - продолжает Ленин, - потому что она будет служить не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения "верхним десяти тысячам", а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность. Это будет свободная литература, оплодотворяющая последнее слово революционной мысли человечества опытом и живой работой социалистического пролетариата, создающая постоянное взаимодействие между опытом прошлого (научный социализм, завершивший развитие социализма от его примитивных, утопических форм) и опытом настоящего (настоящая борьба товарищей рабочих)...» [15].

И здесь Ленин не грешит «абсолютной свободой», свобода – лишь в служении ДРУГОМУ классу, Ленин честно об этом пишет. Он лишь делает различие между этими классами – «страдающие от ожирения верхние десять тысяч» - и десятки миллионов трудящихся. Брюсов не хочет понимать эту разницу.

Подытожим.

1. После революции сочувствующая пролетариату литература – несвободна. У ее представителей, даже самых искренних доброжелателей – иные интересы. Литература же самого пролетариата – единична, охвачена «интеллигентской» литературой.

2. Ничего иного в послевоенный период и быть не могло, и Ленин это разъясняет. Цензура была направлена против международной буржуазии. Так называемые свободные, «надклассовые» художники

на деле отражали интересы буржуазии, выступали против рабочего класса. Как писала о нем Гиппиус: «Серое, черное, в сером упорное».

3. В период с 1927 по 1941 год уже не было надобности послевоенной цензуры, поскольку буржуазных СМИ в СССР тогда уже не было. Следовательно, цензура была направлена внутрь. Следовательно, ее функции – против соперников их партийной элиты и, что главное - против пролетариата. Цензура доходит до абсурда, не ограничивается запретом, включает в себя репрессии.

4. Цензура периода Великой Отечественной лет понятна.

5. После войны цензура продолжает носить абсурдный характер. Из чего, казалось бы, ясно, что при продолжительном проникновении чего-то нового, «альтернативного», «свободного» и т.п., «устои» должны были бы пошатнуться. Но они не пошатнулись, общественное бытие, вполне комфортабельное, сводило на нет все усилия западной пропаганды.

6. «Оттепель» коснулась лишь узких слоев интеллигенции. Никакого ее сворачивания не было, ранее подцензурные тексты постепенно всё больше и больше издавались массовыми тиражами.

7. Гораздо больший подрыв устоев состоял в образовательных программах, в расширении научно-производственной сферы, в научно-техническом прогрессе. Не только интеллигенция, но и рабочие приобретали возможности и способности самостоятельно анализировать информацию, полученную даже от официальных источников.

8. Но главной идеологической опасностью для властей стал марксизм-ленинизм, основные положения которого о социализме противоречили и окружающей действительности, и поведению, жизни и политике властей, и официальным СМИ. Поэтому власти с удовольствием воспользовались услугами западной пропаганды и отечественных диссидентов, либеральных демократов, монархистов и пр. - против марксизма-ленинизма.

Литература действительно противоположна «винтику», капиталистическому производству, предполагающему планирование и четкое исполнение, заказа. В содержании труда литератора – доминирует конкретное, в содержании труда рабочего – абстрактное. В виду этого труд литератора более свободен. Попытка его подчинить приводит к тому, что конкретное содержание выхолащивается, вместе с водой выплескивают и ребенка.

Ибо: несмотря на особость литературного труда, его товарную несравнимость, порой уникальность, литературный товар в товарно-денежных отношениях не является чем-то независимым, он оценивается, имеет стоимость, хотя однако цена книги - явно не стоимость часов рабочего времени литератора.

То есть: литераторы должны быть кровно заинтересованы в том, чтобы товары сбросили бы в себя стоимостную форму, чтобы товарно-денежные отношения отмерли.

Парадокс эпохи в том, что литераторы ратуют за сохранение и укрепление товарно-денежных отношений. Интеллектуальный хуторок советских времен преобразился для литератора в миллионный счет в банке.

В 1905 году принцип партийности литературы был нужен как «противовес буржуазной торгашеской печати», «противовес буржуазному литературному карьеризму», «барскому анархизму», погоне за наживой. Обрамляли эту буржуазность тезисы об индивидуальной свободе от общества, о свободе творчества, свободе слова.

Но классовая борьба, как особенное, не сразу становится всеобщим моментом, нельзя сводить всеобщее к особенному в условиях, когда общество еще не разведено по разные стороны баррикад, когда в обществе не только противоположное, но и внеположенное. Это не означает две сущности, сущность – не есть нечто застывшее, и сущность пресуществляется.

Ленин, будучи совершенно правым в отношении фальшивости тезиса об абсолютной свободе творчества, подменяет, как мы видели, партийность как принадлежность к социальному слою с партийностью как принадлежностью к партийной организации, которая может и не выражать интересы социального слоя, говоря партийным птичьим языком - «оторваться от масс». Даже когда немецкие социал-демократы напрямую задают ему вопрос об отношении партии и класса, о возможной о диктатуре партии, Ленин отказывается понимать («Детская болезнь левизны в коммунизме»).

Нас же с вами волнует вопрос: может ли коммунистическая газета печатать материал такого содержания, с которым не согласен руководящий орган, которому принадлежит газета. Или такой материал, который критикует руководителя. Если горком поддерживает газету – может ли она критиковать областное начальство? Тем более – критиковать генерального секретаря партии? Не схоластический ли это вопрос? Нет, не схоластический. Это вопрос о социальной психопатологии, которая ныне разлита по всей стране.

Что касается буржуазной печати – что бы ни говорили о частной, не государственной печати – она всё равно остается государственной, частной. Потому что частник – буржуа, а государство есть орудие в руках буржуа. Никакой свободы слова. Пишут только то, что оплачивает заказчик. Но может ли критика затрагивать основы? Если государство порочно, смеет ли она его задеть? Если элита компартии уже давно не коммунистическая, должен ли член партии, если он коммунист, критиковать партию в целом?

Как говорил Ландау: если все думают одинаково, но правильно, это лучше, чем если все думают по-разному и неправильно. Но имеет ли право человек думать собственной головой, а не ориентироваться на голову генерального секретаря? Должен ли он возражать, если партия приняла неверное решение? И Ленин сам подает пример, дважды выступив против партии.

Ответы лежат на поверхности. Маркс пишет, что партийная печать должна служить органом надзора, контроля за партийным руководством. Стейнбек пишет, что литература всегда должна быть оппозиционна власти. До тех пор, пока существуют классы, пока существует государство. В том числе социалистическое.

Но не со стороны мелких оппозиционных групп.
Но не контроля с позиций буржуазии.

Говорят об абсолютной свободе слова, подразумевают свободу слова для буржуазной печати. В любом иерархическом обществе свобода слова принадлежит лишь высшим слоям общества.

Казалось бы, какое отношение к буржуазии имеют мифы о структурированной воде, о проекте «Мертвая вода», об опровержении теории эволюции, о путешествиях во времени, о жутких опытах Тесла или о торсионных полях? Прямое. Они расширяют пространство для других мифов, уже напрямую связанных с правящими классами: о лунном заговоре, о трезвом образе жизни, о химтрейлах, о социализме в СССР, о непорочном Сталине, о честных выборах, об учении КОБ, о тайном мировом правительстве, о мудром Путине, о священной империи и пр.

Все насаждаемые мифы интернета и ТВ, все заплесневелые и давным-давно раскритикованные Шпенглер, Юнг, Гуссерль, Витгенштейн, Августин, Адорно, Хабермас, Мережковский, Фрейд, Солоневич, имя им легион - отдаляют от истины, и это есть благо для правящего класса.

До 1991 в развитых странах пользовались цензурой в иной форме: плюрализм мнений душил живую мысль, сквозь него могли пробиться лишь самые богатые СМИ.

После 1991 года оказалось, что этого белого шума не достаточно. В США, ЕС ввели цензуру по образу и подобию сталинской [16, 17].

Именно поэтому стало возможным под не просто лживыми, но абсурдными предложениями вторгнуться в Югославию, Ирак, Афганистан, Ливию, развязать войну в Сирии.

Капитал был вынужден пойти на крайние меры, против самого себя, резко понизив уровень образования.

С помощью тезиса об абсолютной свободе из обихода выбрасывается научная, марксистская критика - и партийного руководства, и власти.

Белый шум дребедени заглушает полезный сигнал.

Декабрь 2020

Литература

1. Газета «Правда», «И спрос, и помощь», 9.12.86.

2. Правда», 1937 Митин М., №6;
3. Правда, 1937, №43, передовая.
4. Правда, 1937, №9, Гаврилов В.
5. Журнал «Коммунист», 1985, №9, передовая.
6. Правда, 1937, №48, передовая.
7. Коммунист, 1985, №13, передовая.
8. Вэрите И. Г., Литвин А. В. Печать в СССР в 1-й пятилетке. М.-Л., 1933.
9. Шевердин С. Н. Со злом бороться эффективно, 1986.
10. Самолис Т. «Очищение». «Правда», 13.2.86.
11. Симонов В. Лит. газета, №42, 1984.
12. Адамович А. «Литературное обозрение», №1, 1986.
13. Ихлов Б. Брюсов против Ленина
http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=596363
14. К. Маркс. Дебаты о свободе печати шестого Рейнского ландтага (апрель 1842 г.). Соч., изд. 2, Т. 1.
15. Ленин. ПСС, т. 12 с. 99-105, перепечатывается из газеты «Новая жизнь», №12, от 13.11.1905.
16. Ихлов Б. Цензура в СССР http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=596536
17. Ихлов Б. Партийная литература на Западе
http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=538478